

лей, открывшихъ собою серію реалистовъ? Русскій художникъ ничѣмъ имъ не обязанъ—онъ ихъ предшественникъ, и французскіе реалисты ничѣмъ не обязаны ему—они его абсолютно не знали. Можно былобы заподозрить вліяніе Стендаля, но... нѣть! У Бальзака Толстой взялъ, конечно, нѣсколько уроковъ, но трудно представить себѣ натуры болѣе противоположныя...

Вогюэ просить прощенія у французскихъ натуралистовъ: они никогда не достигнутъ той простоты, которая дѣлаетъ русскаго романиста такимъ всемогущимъ. У французовъ всегда чувствуется стремленіе приспособиться, замѣчается желаніе фиксировать вниманіе; имъ никогда не разстаться съ антitezой—этимъ великимъ и законнымъ литературнымъ рессурсомъ французскаго ума. Реализмъ Толстого направленъ на изученіе душъ, трудно понимаемыхъ, душъ, которая противодѣйствуютъ наблюдателю утонченностью своего воспитанія, маской соціальной условности. Эта борьба художника съ его моделями поражаетъ Вогюэ, приводить его въ восторгъ, да Вогюэ-ли только!

Знаменитому критику кажется, что Толстой стоитъ надъ своими фигурами, двигаетъ ихъ, но... за этими фигурами виднѣется не его бѣдная человѣческая рука, а что—то страшное, мрачное—тѣнь безконечнаго и всегда присутствующаго, но не опредѣленная въ своемъ развитіи догма—одна изъ категорій божественной идеи, а какое-то нѣмое вопрошеніе къ недостижимому... Слышился какой-то отдаленный вздохъ... И здѣсь театръ Толстого расширяется—становится сценой Эсхила: въ сумракѣ глубины надъ несчастнымъ Прометеемъ видишь могущество, силу—этихъ вѣчныхъ незнакомцевъ...

Вогюэ сознаеть, что какъ ни старается онъ распознать тѣ черты творчества Толстого, которыя, казалось-бы, подвели его подъ ту или другую изъ категорій, измыщленныхъ нашей реторикой—писатель не укладывается въ эти рамки, а ускользаетъ изъ нихъ, какъ ускользаетъ и изъ рукъ критика...

Альфонсъ Додѣ преклонялся передъ Толстымъ „Севастопольскихъ разсказовъ“, „Козаковъ“, „Войны и Мира“, „Анны Карениной“. Французскій романистъ предпочиталъ